

ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

(Из книги С.В.Санникова «Двадцать веков христианства». Т.1 раздел 2.6)

Вероятно, одним из наибольших достижений золотой эпохи богословской мысли стало завершение процесса канонизации Нового Завета. Некоторые полагают, что христианский канон выработали церковные соборы, однако это совершенно не соответствует истине. Ни один из Вселенских Соборов не рассматривал вопроса канонизации новозаветных книг. На них происходила отработка и закрепление веры официальной, или традиционной католической ортодоксии, то есть самопонимание церковной иерархией себя и основных доктрин христианства, хотя далеко не во всех соборных доктринах христианство могло бы узнать себя. Но параллельно с этим протекал процесс кристаллизации истинного и непререкаемого критерия веры и богопознания, завершалось формирование христианского канона, то есть эталона, на который Церковь Христова должна была ориентироваться. В видимой части исторического процесса скрещивались шпаги взаимных обид, подозрений, обвинений — происходила церковно-политическая борьба. Достаточно вспомнить, как со II Вселенского Собора ушел оскорбленный Григорий Богослов, III Вселенский Собор низложил, даже не выслушав, патриарха Константинопольского Нестория, а второефесский собор вошел в историю под названием «разбойничий». В этой борьбе отработывалось Священное Предание, то есть вероучение исторических церквей. Оно служило только внешним одеянием церкви, но при этом тихо и незаметно для политической истории, под контролем главы Церкви — Христа и водительством Духа Святого, заканчивалось формирование канона.

Как известно, канон начал формироваться очень рано. В первые дни своего существования христианские общины использовали в качестве канона иудейские Священные Писания, иногда на иврите, но чаще всего в греческом переводе Септуагинты. Наряду с этими книгами и с таким же авторитетом первые христиане использовали устно передаваемые слова Иисуса Христа. Их заучивали наизусть, записывали и бережно хранили. Они и составили основу канона и в разной степени использовались при написании Евангелий. Параллельно со словами самого Христа в церквях высоким авторитетом пользовались письма Апостолов, содержащие их наставления. Особенно широкое распространение получили послания Апостола Павла. Историки отмечают, что с начала II века выражением «Господь и Апостолы» начиналось любое определение веры или практики церковной жизни. Книги христианских авторов читались во время богослужений наряду с иудейским Священным Писанием.

Так бок о бок с ветхозаветным каноном начал складываться новый, христианский канон, никоим образом не замещая его. Христиане верят, что не только отдельные книги этого канона написаны под водительством и вдохновением Духа Святого, но и процесс отбора этих книг в канон также проходил под неусыпным наблюдением и контролем Божьим. Но этот процесс происходил не через церковную иерархию и не через прямое откровение Божье, данное какому-нибудь выдающемуся пророку, а через исторические обстоятельства, в которых принимало участие большое количество людей. Таким образом, как весь канон, так и каждая его книга — это совместное творение Бога и человека, ибо над ними трудились «...святые Божьи человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1.21).

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАНОНА

В I веке вопрос о составе канона вообще не стоял, хотя в церквах, расположенных в разных частях империи, читались разные книги, позже вошедшие в канон. По духу они были едины, а в формализации списка книг в то время просто не усматривалось никакой необходимости. Первой и наиболее ранней группой факторов, через которые Господь начал формировать канон, стало появление в разнообразии раннехристианских взглядов тех учений, которые искажали дух и суть христианства. С точки зрения канонизации, важно отметить два противоположных влияния, которые появились в середине II века, — Маркиона и Монтана. Маркионовское учение гностического типа требовало уменьшения количества канонических книг. Маркион отвергал авторитет 12 Апостолов, а признавал только некоторые послания Апостола Павла и сильно урезанное Евангелие от Луки. Это логически вытекало из его отношения к книгам Ветхого Завета, которые категорически отвергались Маркионом, а также из его отношения ко всем новозаветным книгам, в которых явно проявлялось влияние иудаизма. В противовес такому учению церковь вынуждена была четче сформулировать свою веру и подчеркнуть каноничность книг Апостолов Петра и Иоанна, а также подтвердить свою верность книгам Ветхого Завета. То есть влияние Маркиона заставило расширить список канонических книг, которые только в совокупности гармонически представляли христианскую веру.

Влияние Монтана на канон носило прямо противоположный характер. Как известно, главной особенностью монтанизма было появление новых пророчеств и духовных прорицаний, которые произносились от лица Господа и записывались последователями монтанистских пророков. Эти тексты цитировались во время богослужений наряду с Евангелиями и апостольскими посланиями. Чтобы защититься от такого расширения канона, церковь начала развивать критическое отношение к писаниям пророческого характера. При этом подозрение пало даже на «Откровение Ап. Иоанна», которым часто пользовались монтанисты. Таким образом, монтанисты, настаивая на непрерывном даре богодухновенного пророчества, заставили церковь начать работу по «закрытию» канона.

Другой группой причин, заставивших христиан уточнить, какие книги следует считать канонами, стали гонения и особенно требование властей выдать христианские книги для уничтожения. Выдача властям книг Священного Писания считалась в ранней церкви тяжким грехом, и когда солдаты стучали в дом и именем императора требовали выдачи книг, то для служителей, которые, как правило, хранили эти книги, было совсем не безразлично, какую книгу отдать: Евангелие Фомы сомнительного происхождения либо Евангелие Иоанна, Апостола Иисуса Христа. Люди не хотели отдавать свои жизни за книги, в надежности которых они сомневались. Особенно острой стала ситуация в связи с эдиктом Диоклетиана в 303 году, который под страхом смертной казни предписывал всем христианам сдать и сжечь все экземпляры Священных книг. Это гонение привело к тому, что границы канона, которые до сих пор не отличались четкостью, обрели свои законченные формы.

Третья группа причин, сыгравшая большую роль в формализации списка канонических книг, — чисто техническая. До II века книги существовали в виде свитков из пергамента или тонкой кожи. Каждая книга представляла собой отдельный свиток, навитый на палку, максимальная длина которого, как правило, не превышала 10 метров. Известно, что книга «Евангелие от Луки» умещалась на свитке, длиной чуть более 9 метров, книга Деяний была, примерно, такого же размера. Ясно, что при таком способе записи отдельные книги канона можно было физически объединить, только храня их в одном ящике. Собрать все свитки Священных книг воедино представлялось дорогим, опасным и практически невозможным делом, но с конца I века произошла настоящая революция в древнем книгоиздательстве: свитки стали заменяться кодексами, то есть книгами из сшитых между собой листов. Такой

способ позволил объединить разные книги в один том и, кроме того, сформировать последовательность книг в томе. Все это создало техническую базу для формализации канона.

Другой фактор, повлиявший на формализацию канона, состоял в том, что во II–III веках почти во всех областях античной науки началась канонизация и кодификация предыдущего опыта и знания. Этот процесс начался в иудаизме, окончательно утвердившем границы ветхозаветного канона, продолжился в юриспруденции и был особенно заметен в литературе. Само понятие «канон» как список книг появилось среди ученых, работавших в Александрийской библиотеке - Музее, которые составляли списки книг, считавшихся образцом и стандартом в данной области литературы. Например, список ямбических поэтов древности, список поэтов-трагиков, список философов и так далее.

ПРОЦЕСС И КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАНОНА

Процесс формирования канона был долгим и естественным. В течение нескольких столетий под давлением различных обстоятельств церковь распознавала действие Святого Духа и свою веру в некоторых книгах и принимала их, а некоторые книги были решительно отвергнуты. Списки книг, которые почитались христианами как новозаветные Священные Писания, стали появляться в конце II века, и они несколько отличались друг от друга в разных частях империи.

Наиболее древним известным науке списком такого рода является канон (или фрагмент) итальянского историка и богослова Муратори, опубликованный в 1740 году. Считается, что он составлен в конце II века и представляет своеобразное краткое введение в книги Нового Завета с некоторыми комментариями. В этом списке, по сравнению с современным каноном, отсутствуют 1-е и 2-е Послания Петра, Послание Иакова и Послание к Евреям, но следует учесть, что учеными найден только фрагмент первоначального текста.

Второй наиболее известный список книг Нового Завета оставлен Евсевием Кесарийским на страницах его «Церковной истории». Евсевий разделил христианскую литературу на три категории. Первая — омологумены, то есть книги, принимаемые всеми и повсюду, бесспорные. В эту группу у Евсевия входили 22 книги: четыре Евангелия, Деяния, Послания Апостола Павла (включая Послание к Евреям), 1-е Петра, 1-е Иоанна, Откровение Иоанна. Вторая категория — антилегомены, то есть спорные книги, включили в себя те, которые, хотя и оспаривались, однако были известны всем и приняты большинством. Сюда входили: Послание Иакова, Иуды, 2-е Послание Петра, 2-е и 3-е Послания Иоанна. Последнюю категорию Евсевий назвал нофа — подложными, незаконными, отвергнутыми. Это «Деяния Павла», «Пастырь Ерма», «Откровение Петра», «Дидахе» и другие. Еще одну группу книг Евсевий называл «злыми и нечестивыми» — Евангелие от Петра, от Фомы, Деяния Андрея, Иоанна и других Апостолов. Евсевий считал их выдумками еретиков.

Следует отметить, что и Мураториев канон, и список Евсевия, и другие древние документы не претендуют на установление нормы. Они только констатируют существующее положение и объясняют его, но сам процесс канонизации происходил без всякого управляющего действия со стороны церковной иерархии: ни отцы церкви, ни императоры, ни соборы не направляли этот процесс. Более 20 книг никогда не вызывали сомнения у церкви. Дольше других длилось принятие в канон соборных посланий Петра, Иакова, некоторых посланий Иоанна, Послания к Евреям, книги Откровения. В то же время некоторые церкви довольно долгое время принимали как богодухновенные такие книги, как «Пастырь Ерма», «Евангелие к Евреям» и другие.

Признание богодухновенности и каноничности большей части книг Нового Завета можно найти уже у ранних отцов церкви (Иустина Философа, Климента Римского, Иринея Лионского и других), которые ссылались на эти книги как на Писание и цитировали части из них как высший авторитет. Кирилл Иерусалимский, наставляя готовящихся к крещению в своих «Огласительных поучениях», перечисляет книги Ветхого и Нового Заветов (кроме Откровения Иоанна) и замечает, что остальные «мы зачислим во второй разряд, и те книги, которые не читают в церквах, не читайте и вы по отдельности».

Афанасий Александрийский, рассылая письма церквам по случаю празднования Пасхи, в одном из них (39-е письмо, написанное в 367 году) привел перечень новозаветных книг, в точности повторяющий современный. При этом он отделил канонические книги от неканонических и еретических и говорил о каноне: «Это источник спасения, и те, кто жаждет, насытятся словами жизни. Только в них возвещено божественное учение. Никто да не прибавляет к ним ничего и ничего не убавляет».

Некоторые поместные соборы также зафиксировали то, что уже было выработано в церкви под действием Духа Святого. Например, Лаодикийский собор 363 года привел список канонических книг (60-й канон), Гиппонский собор 393 года и Карфагенский собор 397 года также подтвердили канон как то, что является бесспорным авторитетом в тех церквах, которые были представлены на соборах.

Рассматривая процесс формирования канона в исторической ретроспективе, можно выделить три критерия отбора книг:

Апостольское авторство (или авторство близкого сотрудника Апостола).

Единодушное принятие всеми поместными церквами.

Гармоническое единство, духовная чистота текста и соответствие его учению Христа и общецерковной вере.

Ясно, что в соответствии с этими критериями некоторые книги прошли более долгий путь, чем другие, прежде чем попали в канон, но, обобщая этот процесс, можно сказать словами Викентия Лириинского, богослова V века, что канон — это то, во что верят повсюду, всегда и все христиане (*ubique, semper, ab omnibus*).

Может показаться удивительным, что христианство, которое вело такие ожесточенные внутренние споры по другим вопросам, так легко и просто пришло к единому заключению о каноне, хотя на это понадобилось около пяти столетий. Еще более удивительным может показаться то, что, несмотря на догматическое несогласие между собой, все ветви христианства, как бы они не назывались — исторические церкви, протестантские, свободные и другие, — всегда признавали и до сих пор признают канонические книги высшим авторитетом, хотя и могут по-разному истолковывать их. Все это объясняется тем, что составлением канона руководил Тот, кто знает абсолютную истину и есть сама Истина. Таким образом, в эпоху богословских споров, но совершенно независимо от них, Господь, как всегда тихо и незаметно, вручил людям Свое письменное Слово.